A 238/965

Н 238
965

Кн. Д. Цертелева.

ПО ПОВОДУ

ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

МОСКВА.
—
1895.

Дозволено цензурой. Москва, 30 ноября 1894 года.

965

Кн. Д. Цертелева.

ПО ПОВОДУ

ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

МОСКВА.
Университетская типогр., Страстной бульв.
1894.

Дозволено цензурой. Москва, 30 ноября 1894 г.

2007237858

I.

Великое горе поразившее Россію отодвинуло на задній планъ всѣ текущіе вопросы. Но внутренняя работа, которая началась въ минувшее царствованіе, не можетъ остановиться, и залогомъ продолженія и завершенія ея служатъ слова нынѣ благополучно царствующаго Императора, сказанныя въ тяжелую и торжественную минуту вступленія Его на престолъ.

Только тринадцать лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ того тревожнаго времени когда Россія стояла на перепутьи и никто не могъ бы сказать гдѣ она очутится теперь. Само правительство тогда утратило, повидимому, вѣру въ свои силы и въ свое назначеніе и бросалось отъ одной мѣры и отъ одной реформы къ другой, не давая времени ни одной изъ нихъ окрѣпнуть и пустить корни въ народномъ

сознаніи, а общество, на которое возлагались всѣ надежды законодателя, не только не спѣшило къ нему на помощь, а наоборотъ, казалось все болѣе недовольнымъ и предъявляло все новыя требованія.

Есть нѣчто глубоко трагическое въ судьбѣ Императора Александра II сдѣлавшагося жертвою тѣхъ теченій которыя въ значительной мѣрѣ были вызваны имъ самимъ. И вотъ, въ ту минуту когда лихорадочная дѣятельность шестидесятыхъ годовъ кончалась катастрофой перваго марта, вопреки всѣмъ ожиданіямъ и предсказаніямъ, для Россіи наступила пора отдыха и отрезвленія, когда то чтò было дѣйствительно важнаго и жизнеспособнаго въ реформахъ минувшаго царствованія должно было окрѣпнуть, отбросивъ случайныя и ненужныя примѣси, которыми оно было обязано слѣпому подражанію и безпочвенному доктринерству.

Въ ряду преобразованій Императора Александра II не послѣднее мѣсто занимала судебная реформа, но очищеніе ея отъ помянутыхъ посторонних примѣсей давно уже стало необходимо, и именно съ этою цѣлью рѣшенъ былъ почившимъ Императо-

ромъ пересмотръ Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II.

Что̀ принесетъ этотъ пересмотръ? Ограничится ли онъ частными поправками, или коснется самихъ принциповъ? Вопросъ этотъ не можетъ не интересовать не только тѣхъ кто такъ или иначе соприкасается съ судебнымъ міромъ, но и всего общества, на жизни котораго не можетъ не отражаться направленіе и дѣятельность судебнаго вѣдомства.

Если рѣшено систематически пересмотрѣть и исправить Судебные Уставы 1864 года, то, стало-быть, они признаны неудовлетворительными не въ какой-либо подробности, легко устранимой частными мѣрами, а въ болѣе существенномъ.

Несмотря на упорное желаніе нѣкоторой части нашего общества и печати не видѣть въ нихъ никакихъ недостатковъ, судебная практика достаточно выяснила слабыя ихъ стороны, и самымъ рѣшительнымъ ихъ поклонникамъ волей - неволей пришлось считаться съ возраженіями тѣхъ кто видѣлъ обратную сторону медали. Въ настоящее время необходимость исправленія существенныхъ недостатковъ нашего судопроизводства признана самимъ законо-

дателемъ, и въ помѣтѣ на Всеподданнѣйшемъ докладѣ министра Юстиціи Государемъ Императоромъ выражено желаніе „чтобы, наконецъ, дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи“.

Слова эти весьма знаменательны и вполнѣ понятны каждому кто сколько-нибудь знакомъ съ настоящими судебными порядками и способенъ смотрѣть на нихъ не съ одной только формальной точки зрѣнія. Ими ясно выражается различіе между внѣшнею законностью и тою внутреннею правдой, безъ которой эта законность остается мертвою буквой или, хуже того, лицемѣрною маской. Существуетъ поговорка: законы святы, да исполнители лихіе супостаты. Однако поговорка эта оправдывается далеко не всегда, и нельзя назвать хорошимъ такой законъ который въ большинствѣ случаевъ не примѣняется, или искажается на практикѣ, потому что законъ этотъ по малой мѣрѣ безполезенъ, какъ бы ни были высоки намѣренія законодателя. Это справедливо относительно всѣхъ законовъ вообще, но особенно относительно тѣхъ которые касаются судоустройства и судопроизводства и не имѣютъ непосредственной связи съ идеей справедливости. Какимъ порядкомъ и кѣмъ

бы ни творился судъ, въ концѣ концовъ важно только то чтобъ его рѣшенія и приговоры соотвѣтствовали дѣйствительной, а не формальной справедливости. Поэтому всѣ законы касающіеся судоустройства или судопроизводства хороши, когда содѣйствуютъ достиженію этой цѣли, и не хороши, когда затрудняютъ его.

На Западѣ борьба политическихъ партій, а у насъ стремленіе подражать Западу, долгое время способствовали затемненію этой истины. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ Судебнымъ Уставамъ 1864 года, остановимся на самыхъ понятіяхъ законности и справедливости.

Люди увлекающіеся соціальными и политическими теоріями склонны вообще преувеличивать значеніе законовъ. Что такое писаный законъ? Это—выраженная въ извѣстной формѣ воля законодателя.

Но воля эта далеко не всегда дѣйствительна, для ея дѣйствительности необходимо, вопервыхъ, чтобы въ распоряженіи законодателя были такіе исполнители которые могли бы заставить уважать ее и, вовторыхъ, чтобъ она сама по себѣ не находилась въ противорѣчіи съ другими неизбѣжными и неизмѣнными законами.

Положительное законодательство не можетъ измѣнить не только законовъ физической природы, но и тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ теченій которыя руководятъ человѣческою дѣятельностью: оно можетъ являться лишь однимъ изъ факторовъ опредѣляющихъ эту дѣятельность.

Такимъ образомъ, между законностью и справедливостью всегда остается существенное различіе, и всегда возможенъ вопросъ не только о справедливости того или другаго судебнаго рѣшенія, но и о справедливости самого закона, на которомъ оно основано.

Поставленный во главѣ коммиссіи о пересмотрѣ Судебныхъ Уставовъ, министръ Юстиціи, Н. В. Муравьевъ, одинаково близко знакомый и съ теоріей права и съ практикой нашихъ судовъ, конечно, лучше чѣмъ кто бы то ни было можетъ оцѣнить это различіе между формальною и внутреннею правдой и выполнить завѣтъ покойнаго Государя. Это ясно выражается слѣдующими словами его рѣчи при открытіи коммиссіи: „Начатіе пересмотра, при современномъ состояніи судебной части и окружающихъ ее условіяхъ, представляется болѣе чѣмъ когда-либо своевременнымъ и необ-

ходимымъ для укрѣпленія у насъ *истинной законности и справедливости.*“

Министръ Юстиціи полагаетъ, однако, что, несмотря на тридцатилѣтній опытъ, тѣ принципы, которые были положены въ основаніе Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, доказали свою жизнеспособность и должны быть сохранены.

„Нельзя,—говоритъ онъ,—не отмѣтить общія черты оставшіяся неизмѣнными среди развитія и движенія судебной жизни во всѣхъ ея фазисахъ, оттѣнкахъ и явленіяхъ. Черты эти совпадаютъ съ тѣми основными началами судоустройства и судопроизводства которыя уцѣлѣли при всевозможныхъ перемѣнахъ и тѣмъ доказали свою жизнеспособность и практическую пригодность; подвергаясь ограниченіямъ и изъятіямъ, они все-таки выдержали испытаніе и потому вышли изъ него если не съ побѣдой, то съ правомъ на дальнѣйшее существованіе. Въ отношеніи такихъ началъ почти нѣтъ принципіальнаго спора даже между противниками и сторонниками реформы 1864 года; тѣ и другіе признаютъ важность и полезность этихъ основъ правильнаго судоотправленія, сводя разногласія свои

лишь къ степени и формамъ примѣненія, которыя могутъ быть различны смотря по взглядамъ на задачи и организацію юстиціи. Судебные Уставы первоначальной редакціи построены на этихъ началахъ; ихъ измѣняли и ограничивали, но не поколебали и тѣмъ болѣе не уничтожили послѣдующія новеллы; изъ нихъ же вытекаютъ и вокругъ нихъ группируются или, по меньшей мѣрѣ, ихъ отнюдь не исключаютъ назрѣвшія потребности современной дѣйствительности и вызываемыя ими домогательства, которыя, однако, въ сферѣ суда, какъ извѣстно, далеко не отличаются преклоненіемъ передъ существующимъ. Очевидно, указанныя начала не зависятъ ни отъ какихъ-либо тенденцій, ни отъ преходящихъ вѣяній и теченій, а составляютъ необходимую принадлежность всякаго правомѣрнаго суда, каковы бы ни были подробности или особенности его устройства... Это, въ сущности, общепризнанныя и наилучшія изъ до сихъ поръ выработанныхъ въ цивилизованномъ мірѣ ручательствъ того, что судебная истина будетъ обнаружена, что законъ будетъ точно примѣненъ, и что каждый изъ судящихся получитъ по заслугамъ. Такихъ устоевъ правосудія немного и,

въ своемъ простѣйшемъ элементарномъ выраженіи, съ устраненіемъ всего второстепеннаго, случайнаго и привходящаго, они могутъ быть резюмированы въ слѣдующихъ краткихъ, азбучныхъ, но въ высшей степени важныхъ положеніяхъ:

„1) Судъ долженъ быть устный или непосредственный, то-есть, судья долженъ лично видѣть и слышать судящихся, а не судить по одпѣмъ бумагамъ.

„2) Судъ долженъ быть гласный, то-есть общество должно знать что̀ дѣлается въ судѣ и какъ творится правосудіе.

„3) Судъ долженъ быть состязательный, то-есть стороны, обвинитель и обвиняемый, истецъ и отвѣтчикъ, должны быть противопоставлены другъ другу для того чтобъ изъ ихъ противоположныхъ утвержденій выяснилась истина во всей ея полнотѣ.

„4. Судъ долженъ быть государственный, правительственный и, вмѣстѣ, независимый отъ посторонпихъ вліяній и давленій, такъ чтобы судья могъ исполнять свою обязанность ничего не опасаясь и не руководствуясь и не стѣсняясь ничѣмъ инымъ кромѣ закона, совѣсти и фактовъ.

„5. Судебный дѣятель долженъ обладать извѣстнымъ цензомъ нравственнымъ, образовательнымъ и практическимъ, то-есть быть лицомъ во всѣхъ отношеніяхъ благонадежнымъ и подготовленнымъ къ отправленію суда.

„6. Судъ долженъ производиться хотя и правительственными должностными лицами, но не безъ замѣщаго въ извѣстныхъ случаевъ общественнаго элемента въ лицѣ обывателей, которые несутъ государственную повинность содѣйствовать правосудію въ качествѣ судей, присяжныхъ засѣдателей, понятыхъ, свидѣтелей.

„7. Судъ долженъ производиться на основаніи оцѣнки доказательствъ, но не по предустановленной формальной ихъ теоріи, а по разумному и въ то же время свободному внутреннему убѣжденію совѣсти.

„8. Государство, олицетворяемое правительствомъ, должно имѣть въ судѣ своего особаго представителя или агента въ лицѣ прокурора-блюстителя законности и органа публичнаго преслѣдованія преступленій.

„9. Отдѣльная личность гражданина, обывателя, должна пользоваться предъ судомъ такимъ положеніемъ которое

вполнѣ ограждало бы его законныя права, отсюда:

„а) требованіе чтобы всякое обвиненіе и всякій искъ для признанія перваго и удовлетворенія втораго были доказаны обвинителемъ или истцомъ.

„б) Стѣсненіе личности, для надобностей правосудія, только въ случаѣ безусловной въ томъ необходимости.

„в) Право защиты по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ и право какъ уголовнаго обвиненія, такъ и гражданскаго иска по исключительно или непосредственно затрогивающимъ личность преступнымъ дѣяніямъ.

„г) Широкое право обжалованія по законнымъ основаніямъ и, наконецъ,

„10. Судъ долженъ быть устроенъ такъ чтобы на первой мѣстной его ступени находились органы близкіе къ народу и ему доступные, чтобы, затѣмъ, другія общія инстанціи были сильны не количествомъ, а качествомъ своей организаціи, чтобы на вершинѣ судебной іерархіи стоялъ Правительствующій Сенатъ, какъ верховный судъ прямо подвѣдомственный Высочайшей Власти.“

Вотъ тѣ основныя положенія которыя министръ Юстиціи признаетъ „краеугольными камнями преобразо-

вапія юстиціи, не сдвинутыми съ мѣста никакими обстоятельствами или доводами". Едвали справедливо, однако, признать всѣ эти положенія одинаково очевидными и потому не требующими никакихъ доказательствъ. Мы постараемся показать далѣе насколько каждое изъ нихъ въ отдѣльности выдерживаетъ критику, а пока замѣтимъ только что было бы весьма пежелательно чтобы коммиссія по пересмотру Судебныхъ Уставовъ 1864 года отнеслась къ нимъ какъ къ неприкосновеннымъ юридическимъ догматамъ.

Въ той формѣ какъ они выражены министромъ Юстиціи, положенія эти настолько широки что почти всѣ они могутъ казаться дѣйствительно безспорными, но именно эта широта и растяжимость ихъ придаетъ имъ нѣкоторую неопредѣленность, которая легко можетъ дать поводъ къ недоразумѣніямъ. Между четвертымъ и шестымъ положеніями, напримѣръ, смотря какъ понимать ихъ, можно отрицать прямую связь, или же находить нѣкоторое противорѣчіе, а оговорка, „но не безъ замѣтнаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ участія общественнаго элемента" совершенно лишаетъ это положеніе того принци-

піальнаго характера который желали бы придать ему сторонники общественнаго элемента въ судѣ.

Во всякомъ случаѣ, поправки и измѣненія, которыя министръ Юстиціи признаетъ возможнымъ и желательнымъ сдѣлать въ Судебныхъ Уставахъ, во многихъ случаяхъ настолько существенны что несомнѣнно затрогиваютъ и нѣкоторые изъ тѣхъ принциповъ которые положены были въ основаніе этихъ Уставовъ.

Но если убѣжденіе въ неприкосновенности и жизнеспособности началъ положенныхъ въ основаніе Уставовъ 1864 и не вполнѣ согласно съ тѣми недостатками ихъ и съ тѣми измѣненіями на необходимость которыхъ министръ Юстиціи и самъ указываетъ въ дальнѣйшемъ развитіи своей рѣчи, то можно только порадоваться что теоретическое убѣжденіе въ ихъ правильности не мѣшаетъ ему видѣть тѣ ошибки и недочеты къ которымъ они привели на практикѣ.

II.

Прежде чѣмъ говорить о пробѣлахъ и недостаткахъ Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, нельзя не остановиться на основаніяхъ

этихъ Уставовъ, которые министръ Юстиціи считаетъ незыблемыми и которые были уже приведены нами въ предыдущей статьѣ.

Противъ перваго изъ этихъ положеній едвали можно возразить что-нибудь въ принципѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли отрицать что „судъ долженъ быть устный или непосредственный, то-есть судья долженъ непосредственно видѣть и слышать судящихся, а не судить по однѣмъ бумагамъ“? но на практикѣ строгое и безисключительное проведеніе даже этого, повидимому безспорнаго, принципа можетъ представить значительныя затрудненія. Возьмемъ примѣръ: въ дѣлахъ маловажныхъ, касающихся недвижимой собственности и подсудныхъ общимъ судебнымъ учрежденіямъ, требованіе явки тяжущихся въ судъ лично, или чрезъ повѣреннаго, оказывается нерѣдко равносильнымъ отказу въ правосудіи, такъ какъ издержки на подобную явку, или на наемъ повѣренныхъ, часто превышаютъ сумму самаго иска.

Можно сказать, конечно, что это возраженіе не касается сущности приведеннаго правила, и, для того чтобъ оно осталось незыблемымъ, достаточно измѣнить подсуд-

ность; но въ такомъ случаѣ, вмѣстѣ съ измѣненіемъ подсудности, пришлось бы измѣнить и порядокъ судопроизводства, а можетъ-быть и составъ мѣстныхъ судебно - административныхъ учрежденій, разчитанныхъ на скорѣйшее и простѣйшее разрѣшеніе несложныхъ дѣлъ встрѣчающихся, обыкновенно, въ сельской средѣ. Возможно ли оградить интересы тяжущихся въ болѣе сложныхъ гражданскихъ процессахъ, не заставляя ихъ прибѣгать къ дорогому, и часто вполнѣ недоступному для нихъ, производству въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ,—это вопросъ во всякомъ случаѣ заслуживающій серіознаго вниманія, и на который составителями Уставовъ 1864 года едвали было обращено достаточное вниманіе. Благодаря этому, такое безспорно справедливое требованіе закона какъ то что искъ долженъ предъявляться по мѣсту жительства отвѣтчика легко можетъ обратиться въ источникъ вопіющей несправедливости. Строится, напримѣръ, желѣзная дорога въ нѣсколькихъ стахъ верстъ отъ столицы, гдѣ находится ея правленіе; инженеры покупаютъ матеріалы, нанимаютъ и разчитываютъ рабочихъ. Что дѣлать

поставщикамъ и рабочимъ если они недовольны разчетомъ? Предъявить искъ къ желѣзной дорогѣ? Но гдѣ? Въ незнакомомъ городѣ, куда поѣздка будетъ стоить дороже иска? Не значитъ ли это заранѣе отказаться отъ него? Таковы вопросы сами собой возникающіе даже по поводу перваго, самаго простаго и яснаго, изъ приведенныхъ правилъ.

Еще болѣе сомнительна безыключительность втораго правила: „судъ долженъ быть гласный, то-есть общество должно знать что дѣлается въ судѣ и какъ творится правосудіе". Пока оно выражено такъ широко и отвлеченно, и оно, конечно, не вызываетъ особыхъ сомнѣній; но насколько необходимы изъятія изъ него—показываетъ уже то обстоятельство что ихъ не только допускаютъ, но и требуютъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже Уставы 1864 года. Конечно, можно сказать на это что исключенія только подтверждаютъ правило; но когда исключенія становятся очень часты, самое правило можетъ сдѣлаться исключеніемъ. Желательно это, или нѣтъ,—другой вопросъ, но для того чтобъ отвѣтить на него необходимо условиться что такое гласность.

Какъ поясненіе своей мысли, ми-

нистръ Юстиціи говоритъ: общество должно знать что̀ дѣлается въ судѣ и какъ творится правосудіе. Но понятія общества, такъ же какъ и понятіе знанія, въ данномъ случаѣ чрезвычайно растяжимы. Если въ засѣданіи суда присутствуетъ нѣсколько сотъ человѣкъ, но ни одной строки о немъ не попадаетъ въ печать, можно ли считать что̀ о немъ знаетъ все общество? И наоборотъ, если въ залѣ не было никого кромѣ лицъ участвующихъ въ дѣлѣ, но подробные отчеты о немъ проникли въ печать, можно ли считать что къ нему былъ недостаточно примѣненъ принципъ гласности?

Тайна въ судебныхъ дѣлахъ, конечно, можетъ повлечь за собою массу злоупотребленій; лица заинтересованныя въ дѣлѣ всегда должны знать, если пожелаютъ, въ какомъ положеніи оно находится; но дѣйствительно ли полезно и необходимо для общества знаніе такихъ обстоятельствъ которыя касаются только участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, и оглашеніе которыхъ часто для нихъ весьма нежелательно? Лѣтъ десять или двадцать тому назадъ много говорили о воспитательномъ значеніи суда; находились ро-

дители настолько убѣжденные въ этомъ значеніи что водили своихъ дѣтей-подростковъ въ судебныя засѣданія какъ въ школу нравственности. Громадное большинство интересовалось и интересуется, однако, не столько юридическою и нравственною стороной судебныхъ процессовъ, сколько сенсаціонною. Въ настоящее время не только у насъ, но и на Западѣ наступаетъ, повидимому, періодъ разочарованія въ благотворномъ будто бы значеніи широкаго оглашенія судебныхъ дѣлъ.

Что касается гражданскихъ процессовъ, то для публики они не представляютъ почти никакого интереса, и за ними слѣдятъ только лица такъ или иначе заинтересованныя въ дѣлѣ.

Въ процессахъ уголовныхъ есть также цѣлыя категоріи дѣлъ совсѣмъ не интересныхъ для постороннихъ лицъ и, слѣдовательно, такихъ въ которыхъ публичность засѣданій не можетъ принести ни вреда, ни пользы.

Серіозное значеніе гласность пріобрѣтаетъ только въ такихъ дѣлахъ которые интересуютъ общество, заживо задѣваютъ его страсти и, такъ или иначе, возбуждаютъ его любопытство. Но и въ этомъ случаѣ кто выигрываетъ отъ удовлетворенія такого

любопытства? Правосудіе? Едва ли. Возбужденіе и споры окружающей среды—плохое средство для огражденія спокойствія и безпристрастія суда и присяжныхъ выходящихъ изъ этой среды и являющихся въ судъ уже съ предвзятымъ мнѣніемъ. Само общество? Но какую пользу принесетъ ему распространеніе въ нѣсколькихъ десяткахъ или сотняхъ тысячъ экземпляровъ отчетовъ о процессахъ въ родѣ Вѣры Засуличъ или Мироновича? Убѣжденіе что преступленіе не остается безнаказаннымъ? Но не говоря о томъ что судебные приговоры далеко не всегда содѣйствуютъ укрѣпленію этого убѣжденія, весь ходъ судебнаго процесса въ лицахъ мало знакомыхъ съ нимъ до такой степени затемняетъ понятіе виновности и невиновности что въ громадномъ большинствѣ случаевъ можетъ внести только новую путаницу въ безъ того неясныя юридическія понятія нашего общества.

Ни для кого не тайна что громкіе уголовные процессы превратились у насъ въ своего рода безплатный спектакль и благодарную арену адвокатскаго краснорѣчія, гдѣ „пухлыя слова“ не безъ успѣха играютъ роль логическихъ аргументовъ.

Несправедливо было бы, однако, винить въ такомъ положеніи дѣла одну адвокатуру. Не допуская участія защиты въ предварительномъ слѣдствіи, гдѣ оно могло бы выразиться въ собираніи фактовъ говорящихъ въ пользу обвиняемаго, законъ тѣмъ самымъ заставляетъ ее сосредоточить всѣ усилія на одностороннемъ освѣщеніи данныхъ уже добытыхъ этимъ слѣдствіемъ и на стремленіи подѣйствовать не столько на убѣжденіе, сколько на нервы присяжныхъ. При этомъ является слишкомъ соблазнительная возможность—убить двухъ зайцевъ разомъ: добиться оправданія, или смягченія участи обвиняемаго, и въ то же время популярности среди публики.

Публичность судебныхъ засѣданій, которая, казалось бы, всегда должна являться для сторонъ сдерживающимъ элементомъ, наоборотъ нерѣдко заставляетъ ихъ увлекаться такими соображеніями которыя не имѣютъ прямаго отношенія къ дѣлу; не только защитники, но и прокурорскій надзоръ, нерѣдко касаются такихъ сторонъ частной жизни обвиняемыхъ, потерпѣвшихъ и даже свидѣтелей, оглашеніе которыхъ можетъ быть занимательно, но далеко не всегда необходимо въ интересахъ правосудія. Въ теоріи, про-

тивъ этого можно возразить, конечно, что это вина предсѣдающаго, а не закона. Но на практикѣ предсѣдатель почти не имѣетъ возможности воспользоваться своимъ правомъ и заставить стороны говорить лишь о томъ что̀ прямо относится къ дѣлу. Какъ можетъ онъ знать наперед какой выводъ хочетъ сдѣлать прокуроръ или защитникъ изъ тѣхъ или другихъ данныхъ, и съ какою цѣлью спрашиваетъ о томъ или другомъ обстоятельствѣ?

Остановивъ его слишкомъ рано, онъ рискуетъ безъ достаточнаго повода стѣснить права обвиненія или защиты.

Мы упоминали уже о томъ что принципъ гласнаго судопроизводства настолько небезусловенъ что сами составители Уставовъ 1864 года не задумались допустить нѣкоторыя ограниченія его. Дѣйствительно, когда рѣчь идетъ о преступленіяхъ противъ общественной нравственности, само собою ясно что соблазнъ, который можетъ вызвать оглашеніе такихъ преступленій, больше назидательности самыхъ строгихъ обвинительныхъ приговоровъ.

Но такого рода отношеніе существуетъ не въ одной только этой категоріи преступленій. Практика су-

дебныхъ учрежденій не замедлила обнаружить у насъ что оглашеніе судебныхъ препій въ политическихъ процессахъ не только не производитъ благотворнаго вліянія на общество, а скорѣе наоборотъ. Конечно, громкія и безсодержательныя фразы защитниковъ и самихъ обвиняемыхъ не произведутъ впечатлѣнія на болѣе серіозную часть присутствующихъ или читающихъ отчеты о нихъ, но опѣ не на нее и разчитаны, а возможность публично явиться мученикомъ за идею, какова бы она ни была, не только не устрашитъ, а скорѣе соблазнитъ и вызоветъ подражаніе среди сбитой съ толку молодежи, неспособной относиться критически къ подобнымъ фразамъ. Изъятія подобныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и неоглашеніе судопроизводства по нимъ составляетъ одну изъ самыхъ раціональныхъ мѣръ, значительно охладившихъ стремленіе къ преждевременной политической дѣятельности, сократившихъ праздные толки о политическихъ процессахъ и о политическихъ теоріяхъ среди учащихся.

Но, кромѣ преступленій противъ нравственности или противъ государства, есть и преступленія противъ частныхъ лицъ, чуждыя всякой поли-

тической примѣси, гдѣ совсѣмъ нежелательно оглашеніе судебныхъ преній. Къ разряду такихъ преступленій принадлежатъ, напримѣръ, диффамація и клевета. При существующихъ условіяхъ, преступленія эти большею частью остаются не только безнаказанными, но и совсѣмъ не преслѣдуются. Это вполнѣ понятно, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ даже обвинительный приговоръ не только не улучшитъ, а скорѣе ухудшитъ положеніе потерпѣвшаго. Въ публикѣ почти всегда остается впечатлѣніе что если обвиненіе не было доказано, отсюда не слѣдуетъ еще чтобъ оно не было несправедливо. Въ концѣ концовъ потерпѣвшій, вмѣсто того чтобъ очистить себя отъ ложнаго обвиненія, при судебномъ преслѣдованіи клеветника, или диффаматора, достигаетъ лишь бо́льшаго оглашенія этого самаго обвиненія.

Всѣ приведенныя здѣсь возраженія не доказываютъ, конечно, неудовлетворительности гласнаго суда вообще; но изъ нихъ мы въ правѣ заключить что принципъ гласности въ судахъ далеко не такъ безусловенъ и безисключителенъ, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ.

III.

Третій общій принципъ, на который указываетъ министръ Юстиціи въ своей рѣчи, есть состязательность процесса, и тутъ вопросъ опять сводится къ тому какъ понимать эту состязательность.

Конечно, если подъ состязательнымъ началомъ разумѣть лишь справедливое требованіе чтобъ обѣ стороны были выслушаны, „чтобъ изъ ихъ противоположныхъ утвержденій выяснилась истина во всей ея полнотѣ“, требованіе это безусловно правильно. Но если принципъ состязательности понимать такъ что судъ обязанъ руководствоваться *только* тѣми данными, которыя представлены ему тяжущимися и на которыя сами они ссылаются, — процессъ превращается въ діалектическую борьбу, гдѣ большею частью побѣдителемъ оказывается тотъ кто ловчѣе, а не тотъ кто правѣе. Такое положеніе дѣла особенно нежелательно тамъ, гдѣ силы тяжущихся почти всегда слишкомъ неравны.

Пассивная роль суда въ гражданскихъ процессахъ служитъ не къ

выясненію истины во всей ея полнотѣ, а къ торжеству адвокатскихъ уловокъ и къ утвержденію не только въ простомъ народѣ, но и среди общества убѣжденія что въ судѣ невозможно обойтись безъ адвоката, и для выигрыша дѣла важна не столько правота, сколько умѣніе облечь свои притязанія въ дѣйствительно или мнимо законную форму; но такъ какъ въ тѣсной связи со знаніемъ и искусствомъ повѣреннаго находятся и размѣры его гонорара, то понятно что при такомъ порядкѣ вещей въ публикѣ до сихъ поръ не успѣло укорениться убѣжденіе „что каждый изъ судящихся получитъ по заслугамъ“.

Ненормальность такого положенія дѣла вполнѣ признаетъ и министръ Юстиціи, хотя и считаетъ неизбѣжнымъ преобладаніе состязательнаго начала въ гражданскомъ процессѣ.

„Въ сферѣ гражданскаго процесса, говоритъ онъ, при неизбѣжномъ преобладаніи состязательнаго начала, тѣмъ не менѣе слышатся небезосновательныя жалобы на недостатокъ самодѣятельности суда, слишкомъ ужъ пассивно и порой въ ущербъ истинѣ, замыкающагося въ условныя рамки усмотрѣнія сторонъ, вслѣдствіе чего въ рѣшеніяхъ иногда отсутствуетъ

элементъ нравственный, искусно вытѣсняемый неправдой на формально-законномъ основаніи."

Этими строками ясно характеризуется то различіе между внѣшнею законностью и внутреннею правдой, о которомъ мы уже говорили.

Въ судебныхъ рѣшеніяхъ при настоящихъ условіяхъ, неправда на формально законномъ основаніи вытѣсняетъ собой элементъ нравственный, министръ Юстиціи не только признаетъ этотъ фактъ въ гражданскомъ процессѣ, основанномъ на принципѣ состязательности; но и вообще „необходимость умеьшенія формализма въ дѣятельности нашихъ судебныхъ учрежденій легко переходящаго въ сухость и бездушіе; казуистичность стремящуюся во что̀ бы то ни стало подводить живые интересы подъ механическую мѣрку предвзятыхъ тѣсныхъ опредѣленій, особый судебный видъ бюрократизма, трактующаго подъ узкимъ профессіональнымъ угломъ зрѣнія, который нерѣдко бываетъ одинаково чуждъ и наставленіямъ науки, и указаніямъ жизненнаго опыта, и здравымъ требованіямъ государственной или общественной пользы".

Нельзя, конечно, устранить изъ

гражданскаго процесса вопросовъ о срокахъ давности, о значеніи письменныхъ доказательствъ и свидѣтельскихъ показаній и т. п., но тамъ гдѣ общій уровень юридическихъ знаній весьма невысокъ, а серіозная адвокатура почти отсутствуетъ, тамъ пассивное отношеніе суда въ гражданскихъ процессахъ, гдѣ вопросы эти нерѣдко играютъ главную роль, превращаетъ состязательный процессъ въ какое-то подобіе средневѣковаго Божьяго суда, съ тою разницей, что здѣсь роль физической силы и ловкости играютъ смѣтливость и изворотливость, позволяющія сторонамъ болѣе или менѣе удачно ссылаться на тѣ или другія обстоятельства, причемъ судъ вынужденъ руководствоваться этими данными, постановляя приговоръ нерѣдко вопреки внутреннему убѣжденію, потому только что законъ не предоставляетъ ему права сдѣлать того или другаго вопроса, чтобы не нарушить принципіальную неприкосновенность состязательнаго начала въ гражданскомъ процессѣ.

Это относится, впрочемъ, не къ одному только гражданскому процессу; и въ уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ суду предоставленъ гораздо большій просторъ, принципъ состязательности далеко не

всегда дастъ тѣ результаты, какихъ мы въ правѣ были бы ожидать отъ него на основаніи однихъ теоретическихъ соображеній.

Уголовные процессы въ той формѣ, какъ они ведутся теперь на основаніи уставовъ 1864 года, далеко не соотвѣтствуютъ тому принципу равенства передъ судомъ, который составляетъ одно изъ безспорныхъ требованій правосудія.

Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ дѣлахъ, разсматриваемыхъ въ провинціи, то-есть въ громадномъ большинствѣ изъ нихъ, каково отношеніе обвиненія и защиты? Съ одной стороны, представитель прокурорскаго надзора, если и не ораторъ, то во всякомъ случаѣ человѣкъ болѣе или менѣе опытный въ судебныхъ дѣлахъ, съ другой — юный кандидатъ на судебную должность, не успѣвшій ознакомиться ни съ дѣломъ своего кліента, надъ участію котораго онъ долженъ практиковаться, ни съ дѣлами вообще. Такого рода практика возможна разумѣется лишь на дѣлахъ кліентовъ не имѣющихъ средствъ заплатить опытному адвокату или совершившихъ недостаточно громкое преступленіе, чтобы такой адвокатъ взялся защищать ихъ безплатно; она можетъ быть полез-

на для совершенствованія въ судебныхъ преніяхъ будущихъ судебныхъ дѣятелей; но едвали соотвѣтствуетъ интересамъ правосудія и обвиняемыхъ. За то если обвиняемый совершилъ преступленіе выходящее изъ ряда обыкновенныхъ или обладаетъ значительными матеріальными средствами, положеніе сторонъ сразу мѣняется, и провинціальному товарищу прокурора приходится уже имѣть дѣло не съ юношей, который робѣетъ и передъ нимъ, и передъ публикой, а съ какимъ-нибудь столичнымъ свѣтиломъ, гораздо болѣе ловкимъ и опытнымъ, чѣмъ онъ самъ, и репутація котораго нерѣдко импонируетъ не только ему, но и суду, а краснорѣчіе и находчивость дѣйствуютъ на присяжныхъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ не можетъ быть помину о томъ равенствѣ сторонъ, которое такъ необходимо въ состязательномъ процессѣ.

Удастся ли при пересмотрѣ Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II устранить это неравенство,— это вопросъ слишкомъ сложный, чтобы на него можно было отвѣтить въ настоящее время.

Менѣе всего сомнѣній, казалось бы, должно вызывать четвертое положе-

ніе указанное министромъ Юстиціи. Что въ самомъ дѣлѣ можно сказать противъ того что судъ долженъ быть государственный, правительственный и вмѣстѣ независимый отъ посторонннихъ вліяній и давленій, такъ чтобы судья могъ исполнять свою обязанность, ничего не опасаясь и не руководствуясь и не стѣсняясь ничѣмъ инымъ, кромѣ закона, совѣсти и фактовъ?

Конечно, въ Россіи, гдѣ монархическій принципъ сохранился во всей его цѣлости и гдѣ верховная власть сосредоточивается во всей ея полнотѣ въ лицѣ Государя Императора, положеніе что судъ долженъ быть государственный и правительственный не должно бы вызывать никакихъ недоразумѣній.

Несмотря на это, послѣднее положеніе вызоветъ, вѣроятно, наибольшее число возраженій среди теоретиковъ привыкшихъ смотрѣть на строгое разграниченіе судебныхъ и административныхъ функцій, какъ на непреложный догматъ. Тамъ, гдѣ законодательная и административная власть раздѣляются на высшей своей ступени, тамъ дѣйствительно необходима безусловная самостоятельность и независимость суда отъ правительства, такъ

какъ въ противномъ случаѣ судъ легко можетъ обратиться въ орудіе для борьбы партій, отчего пострадали бы и правосудіе, и общественное спокойствіе, и безопасность. На практикѣ, впрочемъ, полная независимость суда отъ постороннихъ вліяній и тутъ остается юридическою фикціей, такъ какъ тамъ гдѣ борьба политическихъ партій обостряется, судья поневолѣ попадаетъ въ водоворотъ и въ концѣ-концовъ вынужденъ примкнуть къ той или другой изъ нихъ, какъ бы ни старался прикрыть свои взгляды тогой судейскаго безпристрастія. Понятно что тамъ, гдѣ нѣтъ этой борьбы, тамъ нѣтъ и необходимости въ строгомъ разграниченіи судебной и административной власти, такъ какъ тогда обѣ эти функціи имѣютъ въ виду одну и ту же цѣль. Несмотря на это и у насъ, гдѣ, повидимому, совсѣмъ нѣтъ почвы для борьбы политическихъ партій, требованіе чтобы судъ былъ правительственный не можетъ не вызвать многочисленныхъ возраженій, такъ какъ имъ затрогивается одно изъ любимыхъ положеній нашихъ теоретиковъ: несмѣняемость судей.

И дѣйствительно, по вопросу о несмѣняемости министръ Юстиціи болѣе рѣшительно, чѣмъ относительно другихъ положеній высказывается противъ той постановки вопроса, которая принята была составителями Уставовъ 1864 года. „Въ заботахъ о независимости судьи и о самостоятельности судей, говоритъ онъ, Судебные Уставы не вполнѣ ясно согласовали свои опредѣленія объ этихъ предметахъ съ коренными основами нашего государственнаго права, а съ другой—не снабдили правительства достаточно сильными и дѣйствительными средствами немедленно устранять изъ судебнаго вѣдомства всякій безпорядокъ при первыхъ его признакахъ. Отсюда нѣсколько двусмысленное, какъ бы недоговоренное понятіе о судейской несмѣняемости, незамедлившая возникнуть потребность въ его ограниченіи, не всегда практическая постановка судебнаго надзора и отвѣтственности и другія слабыя стороны судебной дисциплины.

„Тамъ, гдѣ нѣтъ ни политическихъ партій, ни ихъ вражды вліяющей на судъ, говоритъ далѣе министръ Юстиціи, есть лишь государственное правосудіе, отправляемое правительствен-

ными учрежденіями отъ имени Императорскаго Величества, что̀ можетъ тамъ быть остраго и щекотливаго признать, и ясно, прямо выразить, что и судьи, наравнѣ со всѣми вѣрноподданными слугами отечества, подлежатъ въ томъ или иномъ направленіи дѣйствію непосредственнаго усмотрѣнія Верховной Самодержавной власти, что вмѣстѣ съ тѣмъ правительство должно всегда имѣть возможность быстро водворить въ судѣ нарушенный порядокъ или избавиться отъ недостойныхъ дѣятелей. Пересмотръ и исправленіе принадлежащихъ сюда правилъ должны утвердить на крѣпкомъ основаніи строго правительственный характеръ суда и судебнаго вѣдомства и тѣмъ самымъ принести и ему самому, и его авторитету и истинной самостоятельности неисчислимую громадн҃ѣйшую пользу.“

Все это совершенно справедливо; но едвали согласно съ основными принципами составителей Уставовъ 1864 года, съ принципами для которыхъ они желали только дальнѣйшаго развитія, а не ограниченія и не согласованія съ коренными основами нашего государственнаго права.

На это несогласованіе, на учрежденіе государства въ государствѣ давно уже указывали люди не увлекавшіеся теоріями шестидесятыхъ годовъ, и теперь можно только порадоваться что на эти указанія обращено, наконецъ, должное вниманіе и что правительствомъ признана необходимость вывести судебное вѣдомство изъ того ненормальнаго, не то привилегированнаго, не то изолированнаго положенія, въ которомъ оно до сихъ поръ находилось.

IV.

Не будемъ останавливаться на требованіи отъ судебныхъ дѣятелей нравственнаго, образовательнаго и практическаго ценза: противъ этого требованія, разумѣется, не только ничего нельзя возразить, а можно бы пожелать даже чтобъ оно распространялось на всѣ виды государственной дѣятельности, а не на одно судебное вѣдомство, такъ какъ вездѣ одинаково желательно чтобы служащіе были „лицами благонадежными во всѣхъ отношеніяхъ и подготовленными къ отправленію своихъ обязанностей“. Трудность состоитъ только въ томъ что между внѣшними при-

знаками, на которыхъ неизбѣжно основывается всякій образовательный или служебный цензъ, и дѣйствительнымъ знаніемъ и подготовкой часто бываетъ также мало общаго какъ между патентованными медицинскими средствами и дѣйствительными лѣкарствами противъ тѣхъ болѣзней отъ которыхъ они должны излѣчивать. Это тѣмъ болѣе справедливо относительно ценза нравственнаго, гдѣ едвали возможно установить какое бы то ни было мѣрило, кромѣ личнаго взгляда непосредственнаго начальства, или чисто отрицательнаго признака несудимости.

Гораздо болѣе спорнымъ кажется намъ шестой пунктъ выставляемый министромъ Юстиціи, какъ одно изъ тѣхъ общихъ началъ которыя признаны были Уставами 1864 года и на будущее время должны оставаться неприкосновенными. Судъ, говоритъ Н. В. Муравьевъ, „долженъ производиться хотя и правительственными лицами, но не безъ незамѣнимаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ участія общественнаго элемента, въ лицѣ обывателей, которые несутъ государственную повинность содѣйствовать правосудію въ качествѣ сословныхъ

судей, присяжныхъ засѣдателей, понятыхъ, свидѣтелей.“

Хотя положеніе это выражено въ одной фразѣ, въ немъ содержатся два совершенно независимыя другъ отъ друга утвержденія, которыя мы разберемъ порознь.

Вопервыхъ, этимъ положеніемъ признается, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, необходимость участія общественнаго элемента въ дѣлѣ правосудія.

Вовторыхъ, участіе это признается *обязательнымъ* для тѣхъ лицъ которыя къ нему призываются.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ что бываютъ такіе случаи гдѣ участіе въ судѣ общественнаго элемента весьма полезно, гдѣ элементъ этотъ можетъ отнестись къ сущности вопроса съ бо́льшимъ вниманіемъ и интересомъ нежели коронные судьи, которымъ приходится разбирать безпрерывно такую массу дѣлъ что волей-неволей интересъ къ нимъ притупляется; но если коронный судъ относится къ дѣламъ нѣсколько болѣе формально нежели присяжные не связанные никакими формами и не стѣсняющіеся никакими юридическими соображеніями, то судъ этотъ гораздо болѣе опытенъ и менѣе подверженъ случай-

нымъ вліяніямъ и соображеніямъ. Слабыя стороны нашего суда присяжныхъ настолько ясно и скоро выказались въ судебной практикѣ что законодатель вынужденъ быть изъять цѣлый рядъ дѣлъ изъ ихъ вѣдѣнія, не дожидаясь общаго пересмотра Судебныхъ Уставовъ.

Право помилованія, которое такъ часто присвоиваетъ себѣ судъ присяжныхъ не только у насъ, но и на Западѣ, зависитъ отъ самой сущности этого суда, находящагося внѣ всякаго контроля и потому не стѣсненнаго въ своихъ рѣшеніяхъ не только положительнымъ закономъ, но и самыми безспорными требованіями логики, а руководствующагося исключительно настроеніемъ и чувствами, иногда не имѣющими ничего общаго съ правосудіемъ и законностью.

Судъ присяжныхъ, въ той формѣ какъ онъ установленъ Судебными Уставами 1864 года, не соотвѣтствовалъ ни интересамъ правосудія, ни интересамъ общей государственной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, тотъ случайный и измѣнчивый составъ присяжныхъ, въ которомъ сторонники его видятъ гарантію его безпристрастія, неизбѣжно

придаетъ такой же характеръ случайности и измѣнчивости его рѣшеніямъ. Кому неизвѣстно что бываютъ цѣлыя категоріи дѣлъ, по которымъ обвиненія проходятъ или проваливаются смотря по составу присяжныхъ, и гдѣ всѣ факты установленные судебнымъ слѣдствіемъ и всѣ аргументы и краснорѣчіе обвинителей и защитниковъ играютъ совершенно второстепенную роль?

Судъ присяжныхъ не соотвѣтствуетъ даже правильно понятому принципу равенства передъ судомъ, для котораго необходимо чтобы судьи находились настолько выше подсудимаго чтобы не могли имѣть съ нимъ никакихъ личныхъ счетовъ. Судъ совершается отъ имени Верховной Власти, и ни въ посторонникъ лицахъ, ни въ самихъ подсудимыхъ не должна ни на минуту являться возможность сомнѣнія въ его безпристрастіи. Это всего болѣе необходимо тамъ гдѣ рѣшеніе безповоротно, безконтрольно и не подлежитъ никакому обжалованію. Для нравственнаго значенія суда необходимо чтобы сами обвиняемые знали что судьи ихъ могутъ разумно, спокойно и независимо отъ посторонникъ соображеній или опасеній оцѣнить совершенныя ими дѣя-

нія; но возможно ли такое отношеніе тамъ, гдѣ роль судьбы играютъ для нихъ двѣнадцать человѣкъ, нравственный характеръ которыхъ имъ неизвѣстенъ, и не только общественное положеніе, но и умственный уровень нерѣдко оказывается настолько невысокими что отъ нихъ совсѣмъ ускользаютъ дѣйствительные мотивы поступковъ, оставаясь непонятными даже тогда когда выставляются на видъ обвинителемъ или защитой? Конечно, такого рода процессы составляютъ лишь незначительную часть всей массы дѣлъ разсматриваюшихся съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; но и этого достаточно чтобы поколебать въ обществѣ увѣренность въ томъ „что каждый изъ судящихся получитъ по заслугамъ“.

Предполагается что присяжные близко знаютъ ту среду изъ которой выходитъ обвиняемый. Въ большинствѣ случаевъ это справедливо, но не всегда полезно для правильности рѣшенія, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ какъ ее понимаетъ законъ, воспрещающій присяжнымъ руководствоваться другими данными кромѣ тѣхъ которыя они видѣли и слышали на судѣ. Въ дѣйствительности оказывается что обвиняемый

нерѣдко судится совсѣмъ не за то преступленіе въ которомъ обвиняется. Вообще судъ присяжныхъ, долженствующій устранять излишній формализмъ въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, вноситъ въ него элементъ такого произвола который нерѣдко не можетъ быть не только устраненъ, но даже и объясненъ.

Понятно, однако, что если судъ этотъ долженъ существовать въ той формѣ въ какой онъ установленъ Судебными Уставами Императора Александра II, онъ долженъ разсматриваться какъ „государственная повинность, которую несутъ обыватели, содѣйствовать правосудію въ качествѣ сословныхъ судей, присяжныхъ засѣдателей, понятыхъ, свидѣтелей“. Только едвали справедливо приравниваніе обязанностей присяжныхъ засѣдателей къ обязанностямъ понятыхъ и свидѣтелей.

Вообще говоря, всякая повинность есть дѣло государственной пользы, и потому къ повинностямъ непримѣнимо мѣрило справедливости, какъ таковой. Въ дѣлѣ государственныхъ повинностей на первомъ планѣ всегда должна стоять возможно меньшая ихъ обременительность и возможно бо́льшая производительность для государ-

ства; ихъ равномѣрное распредѣленіе (а въ данномъ случаѣ лишь въ немъ и можетъ состоять справедливость) всегда станетъ на второмъ планѣ. Обратное отношеніе, котораго требуетъ достиженіе минмаго равенства, совершенно извращаетъ понятіе о назначеніи государства, которое должно, какъ для отправленія правосудія, такъ равно и для достиженія другихъ своихъ цѣлей, прибѣгать „къ стѣсненію личности только въ случаѣ безусловной въ томъ необходимости“. И потому никогда не должно дѣлать общею такую повинность которая можетъ быть съ большею легкостію и съ большею пользой выполнена извѣстною категоріей лицъ. Еслибы, напримѣръ, для обороны страны достаточно было призыва подъ знамена войска составленнаго изъ добровольцевъ или нѣкотораго процента всего населенія, то привлеченія къ отбыванію воинской повинности бо́льшаго числа лицъ чѣмъ необходимо, было бы не только безполезно, но и несправедливо, такъ какъ противорѣчило бы только-что указанному принципу. Почти то же можно сказать и о денежныхъ налогахъ, какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время налоги эти распредѣляют-

ся неравномѣрно и что можно придумать систему въ этомъ смыслѣ гораздо болѣе совершенную; но если для этого потребуется стѣсненіе личности или, вмѣсто увеличенія, получится сокращеніе государственныхъ доходовъ, или масса населенія, вмѣсто облегченія, должна будетъ нести налоги болѣе обременительные, то, очевидно, введенія такого рода системы могутъ желать только тѣ кто ставитъ принципъ отвлеченнаго равенства выше государственной пользы и личной свободы.

Примѣнимъ теперь эти общія соображенія къ вопросу объ участіи общественнаго элемента въ дѣлѣ отправленія правосудія.

Замѣтимъ, вопервыхъ, что невозможно разсматривать подъ одною рубрикой обязанности присяжныхъ засѣдателей и понятыхъ и свидѣтелей: послѣднимъ нужно только показывать въ судѣ что̀ они знаютъ о томъ или другомъ обстоятельствѣ; обязанность эта такъ проста и очевидна что относительно ея не можетъ быть сомнѣній. Еслибы можно было допустить что они въ правѣ отказываться отъ показаній, сразу̀ исчезла бы самая возможность отправленія правосудія. Здѣсь, стало-

быть, не можетъ быть и спора о томъ что существуетъ *безусловная необходимость въ нѣкоторомъ стѣсненіи личности.* Не можетъ быть также сомнѣнія ни въ томъ что понятые и свидѣтели въ состояніи выполнить возложенную на нихъ обязанность, такъ какъ отъ нихъ требуется только чтобъ они добросовѣстно показали что̀ знаютъ,—ни въ томъ что они обязаны это сдѣлать, такъ какъ въ случаѣ ихъ отказа, или недобросовѣстности, могли бы пострадать невинные, и на нихъ пала бы тяжелая нравственная отвѣтственность. Совсѣмъ другое дѣло обязанности присяжныхъ засѣдателей. Отъ присяжныхъ требуется не сообщеніе того или другаго свѣдѣнія, которымъ они несомнѣнно обладаютъ, а того чтобы, приложивъ всю силу разумѣнія своего, они рѣшали болѣе или менѣе сложные юридическіе и психологическіе вопросы. Но что̀ дѣлать присяжному засѣдателю который признаетъ такую задачу для себя непосильною? Отказаться отъ ея выполненія онъ не имѣетъ права, но и взявшись за нее, вопреки убѣжденію, рискуетъ поступить недобросовѣстно. Никто не удивится если человѣкъ вполнѣ образованный, но незнакомый съ высшею

математикой и небесною механикой, откажется высказать свое мнѣніе относительно того или другаго астрономическаго вопроса; почему же каждый, не имѣющій ни малѣйшаго понятія ни о психологіи, ни объ уголовномъ правѣ, обязанъ высказывать свое мнѣніе по такимъ сложнымъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, вмѣняемость, особенно тогда, когда мнѣніе это можетъ повлечь за собой оправданіе преступника или обвиненіе невиннаго? Что дѣлать предсѣдателю, которому присяжный заявитъ что онъ не считаетъ для себя возможнымъ выполнить то къ чему его обязываетъ законъ? Можно силой заставить человѣка исполнить то или другое, болѣе или менѣе внѣшнее, требованіе; но какъ принудить его высказать такое мнѣніе котораго онъ не имѣетъ? Да еслибъ это и было возможно, не окажется ли такое мнѣніе скорѣе вредно чѣмъ полезно для правосудія? Подобные случаи, конечно, рѣдки; но, какъ показала уже судебная практика, они возможны, и необходимо съ ними считаться.

V.

Въ дополненіе къ сказанному въ предыдущихъ статьяхъ, остановимся только на двухъ послѣднихъ основныхъ положеніяхъ указанныхъ министромъ Юстиціи:

„Отдѣльная личность гражданина обывателя должна пользоваться передъ судомъ такимъ положеніемъ, которое вполнѣ ограждало бы ея законныя права.“

Конечно, послѣднія два слова можно разумѣть весьма различно: можно сказать что если законъ explicite не признаетъ за тою или другою личностью того или другаго права, то оно уже не есть законное право этой личности, и потому нѣтъ основанія требовать огражденія его передъ судомъ; однако, подобное толкованіе, очевидно, было бы только игрой словъ, и министръ Юстиціи въ данномъ случаѣ подъ законными правами разумѣлъ, конечно, не тѣ права которыя ясно установлены положительнымъ закономъ и, потому, менѣе другихъ нуждаются въ огражденіи, а вообще тѣ необходимыя слѣдствія, которыя вытекаютъ изъ самаго понятія о справедливости.

Но въ этомъ отношеніи положеніе созданное Уставами 1864 года отдѣльнымъ личностямъ далеко нельзя признать удовлетворительнымъ, тѣмъ болѣе что отсутствіе гарантій частныхъ лицъ отъ произвола чиновъ судебнаго вѣдомства не оправдывается, повидимому, ни интересами правосудія, ни соображеніями общей государственной пользы. Конечно, теперь факты злоупотребленія властью со стороны лицъ судебнаго вѣдомства весьма рѣдки. Но всѣмъ памятно то недалекое время, когда судебные слѣдователи и прокуроры считали себя въ правѣ вмѣшиваться не только въ частную жизнь, но и въ служебныя дѣла другихъ вѣдомствъ, безо всякихъ вѣскихъ основаній, не рискуя никакими серіозными послѣдствіями, въ силу исключительно привилегированнаго положенія.

Конечно, даже въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ несправедливо было бы черезчуръ обобщать тѣ злоупотребленія властью которыя встрѣчались въ отдѣльныхъ случаяхъ, но самой возможности такихъ злоупотребленій *на основаніи закона* уже достаточно для того чтобы признать нарушеннымъ то правило о гарантіи частныхъ лицъ передъ су-

домъ, о которомъ упоминаетъ министръ Юстиціи.

Въ администраціи, гдѣ необходимо дѣйствовать немедленно и гдѣ часто некогда взвѣшивать и обсуждать всѣ данныя, если даже интересамъ частныхъ лицъ приходится иногда страдать отъ нѣкотораго произвола, съ этимъ поневолѣ надо мириться, такъ какъ слишкомъ точное опредѣленіе правъ и обязанностей администраціи могло бы настолько стѣснить ее, что сдѣлало бы невозможнымъ выполненіе своей задачи. Совсѣмъ иное дѣло въ судѣ, гдѣ, по самому существу его функцій, вопросъ идетъ не о пользѣ, а о справедливости. Было бы явною несообразностью допустить что то учрежденіе, которое призвано гарантировать права частныхъ лицъ или обществъ отъ какихъ бы то ни было посягательствъ само можетъ нарушать ихъ.

Поэтому „огражденіе законныхъ правъ гражданина передъ судомъ“ является не только существеннымъ требованіемъ справедливости, но и такимъ условіемъ, безъ котораго судъ становится въ прямое противорѣчіе съ собственнымъ назначеніемъ.

„Въ предварительной стадіи уголовнаго процесса, — говоритъ Н. В. Муравьевъ,—при слѣдствіи вызываетъ

нареканіе малое обезпеченіе личной свободы обвиняемаго и правъ потерпѣвшаго отъ произвольныхъ распоряженій слѣдователя; такъ вообще въ уголовныхъ дѣлахъ приходится считаться со слабостью репрессивнаго возмездія, съ безнаказанностью преступленій нераскрытыхъ слѣдствіемъ, или отвергнутыхъ оправдательнымъ приговоромъ суда. Относящіяся сюда мѣры принадлежатъ къ числу труднѣйшихъ проблемъ, такъ-называемой, судебной политики. Но разъ неудержимо силой вещей они возникли передъ законодателемъ, само собою разумѣется ни затруднительность, ни сложность не могутъ воспрепятствовать посильнымъ попыткамъ къ ихъ рѣшенію."

Та же сила вещей поневолѣ выдвинула на первый планъ вопросъ о судебныхъ органахъ близкихъ къ народу и ему доступныхъ.

„Судъ, — говоритъ министръ Юстиціи, — долженъ быть устроенъ такъ чтобы на первой мѣстной его ступени находились органы близкіе къ народу и ему доступные."

Если въ городахъ мировые судьи могли еще болѣе или менѣе считаться такими органами, то въ деревняхъ они почти совершенно отсутствовали, такъ какъ мировой судья, рѣдко раз-

бравшій дѣла внѣ своей камеры и связанный множествомъ чисто формальныхъ требованій совершенно непонятныхъ большинству простаго народа, никакъ не могъ считаться для этого народа ни близкимъ, ни доступнымъ; что же касается волостныхъ судовъ, находившихся подъ чисто формальнымъ контролемъ крестьянскихъ присутствій, и гдѣ зачастую роль рѣшающаго аргумента играла водка, они, разумѣется не представляли собой гарантіи правильности и безпристрастія рѣшеній.

Конечно, введеніе въ дѣйствіе Положенія о земскихъ начальникахъ значительно улучшило эту сторону дѣла, но оно еще болѣе умножило ту пестроту судебныхъ порядковъ, о которой упоминаетъ министръ Юстиціи въ своей рѣчи:

„Необходимо объяснить и согласовать между собою разрозненныя и разнородныя, иногда другъ другу противорѣчащія, учрежденія и правила судебной части въ ея теперешнемъ состояніи. Около 700 дополнительныхъ о ней узаконеній, изданныхъ послѣ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года, различныхъ на пространствѣ Имперіи судоустройственныхъ и судопроизводственныхъ порядковъ; до девяти различныхъ типовъ одной

мѣстной юстиціи, дѣйствующихъ нерѣдко рядомъ въ разныхъ комбинаціяхъ; крайнее разнообразіе въ подсудности и обжалованіи; принципіально важныя различія въ устройствѣ судебныхъ мѣстъ, одновременное и совмѣстное существованіе такихъ разнохарактерныхъ судебныхъ институтовъ, какъ кассація и ревизія—судъ присяжныхъ, судъ выборный, сословный и коронный—судъ, такъ сказать, чисто судебный и судъ судебно - административный; слѣдствіе предварительное, но пропзводимое слѣдователемъ, судьей п слѣдователемъ чиновникомъ, слѣдствіе формальное, производимое и слѣдователемъ, и мировымъ судьей и полицейскимъ засѣдателемъ; адвокатура присяжная и не присяжная, но патентованная, адвокатура частная, но легальная, и адвокатура контрабандная, подпольная, вмѣстѣ съ отсутствіемъ всякой защиты на судѣ, наконецъ, болѣе или менѣе глубокія измѣненія тѣхъ или другихъ первопачально установленныхъ началъ и учрежденій многоразличными изъятіями, ограниченіями и отступленіями,—таковы выдающіеся выпуклые признаки той чрезвычайной дробности которая пестритъ нашу судебную организацію. Эти пестроты дошли до такой степени что, напримѣръ,

въ сравнительно небольшомъ районѣ округа С.-Петербургской Судебной Палаты, дѣйствуютъ восемь различныхъ порядковъ отправленія суда. Все это, конечно, явленія совершенно непормальныя, свидѣтельствующія о нарушеніи всякой системы и полномъ недостаткѣ единства, а потому и громко требующія упорядоченія."

„Упрощеніе въ судѣ,—замѣчаетъ далѣе Н. В. Муравьевъ—неразрывно связано съ ускореніемъ, такъ какъ естественно все болѣе простое и удобное скорѣе совершается, быстрѣе доходитъ до рѣшенія, и хотя нескончаемая волотика дореформенной юстиціи уже давно отошла въ область преданій, но нельзя отрицать что и теперь еще теченіе судебныхъ дѣлъ, въ отношеніи скорости, часто оставляетъ желать многаго. Годъ, два для прохожденія уголовнаго дѣла черезъ всѣ инстанціи въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, „мѣсяцы для движенія въ мѣстной юстиціи дѣлъ захватывающихъ ближайшія вседневныя нужды населенія,—такіе сроки не составляютъ исключенія, а это, разумѣется, слишкомъ долго для обывателя, который больше всего боится хожденія или тасканія по судамъ, и судъ скорый даже предпочитаетъ суду милостивому."

Можно прибавить что даже значительно болѣе продолжительные сроки чѣмъ два года въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, и нѣсколько мѣсяцевъ въ мѣстныхъ, не составляютъ особенно рѣдкаго явленія въ судебной практикѣ, и что въ этомъ едвали справедливо было бы обвинять судебныхъ дѣятелей при данныхъ мѣстныхъ условіяхъ и при данныхъ формахъ судоустройства и судопроизводства. По дѣламъ о преступленіяхъ по должности служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, мы могли бы указать на дѣла длившіяся болѣе десяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ обвиняемые успѣвали умереть прежде чѣмъ доходили до судебнаго разбирательства. Въ мѣстной юстиціи сроки, разумѣется, не могутъ быть такъ продолжительны; но за то проволочки тутъ болѣе чувствительны.

Мы уже говорили о тѣхъ трудностяхъ и противорѣчіяхъ къ которымъ приводитъ слишкомъ строгое примѣненіе состязательнаго начала какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ процессѣ, и которыя признаются отчасти и министромъ Юстиціи, такъ же какъ и несогласіе несмѣняемости судей съ общими началами нашего государственнаго права.

Всѣ эти несогласія и противорѣчія должны, быть по возможности,

устранены пересмотромъ Судебныхъ Уставовъ 1864 года; но они настолько существенны что едвали достаточно говорить о „капитальномъ ремонтѣ зданія“, и трудно надѣяться чтобъ оно вышло „„стройнымъ и цѣльнымъ, безъ подпорокъ и заплатъ““, если при этомъ ремонтѣ мы будемъ довольствоваться осторожнымъ изслѣдованіемъ и исправленіемъ.“ При такихъ условіяхъ едвали можно надѣяться чтобы „судебный строй могъ получить органическую, такъ-сказать, монолитную связь, крѣпость несокрушимаго и благодѣтельнаго оплота народной жизни“.

Конечно, еслибы тѣ 700 дополнительныхъ узаконеній, которыя изданы были послѣ Судебныхъ Уставовъ, исходили изъ тѣхъ же основныхъ положеній какъ и сами Уставы и составляли бы лишь дальнѣйшее развитіе или мелкія частныя поправки, то не трудно было бы согласовать ихъ съ остальными, уцѣлѣвшими, частями этихъ Уставовъ, и можно было бы говорить о ремонтѣ зданія; но самый духъ новыхъ постановленій далеко не всегда тождественъ съ тѣмъ которымъ исполнены были составители Уставовъ 1864 года, и потому не такъ легко составить гармоническое цѣлое изо всѣхъ этихъ различ-

ныхъ формъ судоустройства и судопроизводства, пестрящихъ наше дѣйствующее законодательство. Конечно, было бы безполезно и неразумно „колебать или даже трогать то что̀ стоитъ крѣпко“, если для этого нѣтъ серіозныхъ причинъ и эти части могутъ и должны быть утилизированы, если онѣ не противорѣчатъ новому плану,—но ставить сохраненіе ихъ непремѣннымъ условіемъ осуществленія этого плана, значило бы во многихъ случаяхъ дѣлать его неисполнимымъ и вливать вино новое въ мѣхи старые.

Задача коммиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ состоитъ не только въ объединеніи дѣйствующихъ нынѣ разнородныхъ судебныхъ учрежденій и порядковъ, но и въ разработкѣ *ихъ улучшеній и измѣненій, вызываемыхъ практическими потребностями государственнаго и народнаго быта*, и можно пожелать только чтобы, при разрѣшеніи этой задачи, коммиссія не слишкомъ стѣснялась согласованіемъ этихъ измѣненій и улучшеній съ тѣми теоретическими принципами, на исключительномъ основаніи которыхъ работали составители Судебныхъ Уставовъ 1864, а руководствовалась бы только Высочайшею волей сдѣлать такъ чтобы, наконецъ, *дѣйствительное правосудіе* царило въ Россіи.

2007237658